

Ненапрасный дар

Быть в сотворчестве с Творцом

*Священник-иконописец или художник – не такая уж редкость. Тем не менее до сих пор не разгадана тайна самой иконописи, как и нет ответа на вопрос, почему человек приходит к тому или иному служению, а порой и совмещает их. Своим мнением о природе таланта, призванного служить Церкви, мы попросили поделиться с нашими читателями профессионального иконописца, настоятеля Христорождественского храма села Сенино, протоиерея **Василия ЕВПАТОВА**.*

Господь, создав человека по Своему образу и подобию, в каждого из нас заронил частичку таланта, одарил каждого творческим началом. Вспомним Священное Писание: Бог именно Адаму, первому человеку, доверил такое творческое дело, как наречение имён животным и птицам – «всякой живой душе». Это ведь непросто! Тут без вдохновения никак нельзя обойтись! А когда возводили Скинию, Господь призвал Бецалея и исполнил его, а через него и других строителей, «Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и *всяким искусством*, чтобы творить замыслы...». (Исх. 31:1-11)

Творчество заложено в каждом из нас ещё и в том смысле, что вся наша жизнь – это живописание внутри себя, попытка изобразить в себе Первообраз. Задача недостижимая, но в стремлении хотя бы отчасти приблизиться к ней и заключается смысл жизни. Всё остальное – это частности.

Разным может быть служение человека одарённого. Один может через это служение стремиться к Богу, другой – к своим корыстным интересам. Но творчество в рамках искусства церковного всё-таки особенное.

Когда мы входим в храм, мы слышим слова молитв, музыку клиросного пения, видим росписи и иконы, предметы богослужебной утвари. Через наши глаза и уши Господь просвещает нас. «Ухо слышащее и глаз видящий – и то и другое создал Господь» - читаем в книге Притчей Соломоновых. Даже простое присутствие на богослужении редко кого оставит равнодушным – таково воздействие Духа Святого. И молитвенное пение, и лики на иконах вызывают в человеке некое движение души, отсылая его, возможно, на генетическом уровне, ко времени пребывания прародителей в раю. Оттого церковное искусство сокровенно, его нельзя свести просто к набору правил, так необходимых в любом ремесле.

Помню, отслужив в армии, я начал пономарить, и мне захотелось учиться иконописи. А мой духовник отговаривал меня, советовал идти в семинарию. Мы долго спорили, в итоге я поступил по-своему и окончил иконописную школу при Московской Духовной академии. А потом всё-таки стал священником. С одной стороны, моё образование помогает мне в постижении священнического служения. Но с другой стороны иконопись, как второе моё призвание, требует огромного количества времени, которое надо где-то находить.

Поначалу я так и решил: просто завалю тяжёлым камнем источник моего интереса к живописи, посвящу себя только священническим делам. Но не тут-то было! Прав оказался наш русский философ Иван Ильин, сказавший, что если художник не будет рисовать, а поэт сочинять, то их просто разорвёт. Вот и мой заваленный камнем родничок нашёл выход в другом месте. Мне не хватало времени на живопись – я начал заниматься фотографией. Фотовыставка моих работ прошла в Чехове, несколько совместных выставок – в Москве. На одной из них мы выставились вместе с известным путешественником Фёдором Конюховым. Он сильный график, самобытный художник, а теперь также и священник.

Действительно, совмещение священнического служения и занятия иконописью - не такая уж редкость. Не будем далеко ходить: в нашем Чеховском благочинии иконы пишет игумен Давид (Яковлев), настоятель Преображенского храма в Старом Спасе. Многие помнят священника Вадима Овсянникова – художника, принявшего священнический сан после того, как сгорела церковь в Мелихове, и немало потрудившегося для её восстановления.

Так и я не перестал заниматься иконописью. И радует, что интерес к этому роду деятельности есть у некоторых прихожан нашего храма, с которыми мы проводим регулярные занятия в воскресной школе. Это совсем не обязательно «шаги в будущую профессию» - скорее, это объединение по интересам, позволяющее человеку развить свой дар и чувство прекрасного, над которым тоже надо немало трудиться.

Ведь почему сейчас в художественных салонах и на арт-галереях мы видим засилье котиков, гламурных девочек с кудряшками? Потому что на них всегда есть спрос, и художники стараются на них заработать. Тут большой беды нет – каждый пишет, как он дышит. Хуже, когда этот глянец и слащавость переносятся на икону. Откроем интернет и увидим: все эти «иконы на заказ» - ростовые, именные, семейные – поставлены на поток и утрачивают свою сакральную суть. Впрочем, даже и такая икона находит себе место в

церковной жизни. Даже через неё человек может обращаться к святому, призывать его себе в помощь, каяться перед ним. Хуже, когда человек не способен чувствовать святость иконы – вот это настоящая беда.

Когда я вижу икону, написанную без соблюдения традиций, без художественного чутья, я огорчаюсь. Однако тут же себе говорю: «Что ж ты сам-то не пишешь? Ведь мог бы!» Так что это я всегда воспринимаю как упрёк себе самому. А в хорошей иконе Бог виден всегда.

Одна из задач, которая сегодня стоит перед иконописцами, - это создание образов новомучеников. Нередко на иконе просто запечатлевается скопированное с фотографии лицо, есть портретное сходство, но отсутствует лик как главное событие иконы. Полагаю, что пройдёт время, и художники с этой задачей справятся.